

М. ЗАГОСКИЙ

В кругу мастеров театра

Немногие из современников Грибоедова могут сравниться с ним в деятельном внимании к судьбам отечественного театра. «Горе от ума» не блистало бы таким совершенством сценической культуры, если бы до его написания Грибоедов не прошел через опыт своих ранних комедий и не имел живых связей с лучшими деятелями русского театрального искусства. Любопытно, что «Молодые супруги» были отданы для бенефиса сестры Е. С. Семеново^{*)}. Сцены в «Своей семье или Замужняя невеста» были написаны для бенефиса М. Вальберховой, «Притворная неверность» — для бенефиса самой Е. Семеново^{*)}, «Проба ингермидий» — для бенефиса Я. Брянского, сцена в «Кто брат, кто сестра» — для бенефиса М. Львовой-Синецкой.

Грибоедов в эти годы — страстный театрал, увлеченный драматургом, принимающий участие в борьбе «партий» не только в зрительном зале, но и в драматургии. Он отвергает пьесы Кокоркина и Загоскина и в ответ на критическое замечание последнего о стихах одной из его комедий пишет и распространяет в списках памфлет «Лубочный театр», в котором осмеивает и эти пьесы и их критиков:

«Махнул пером, — отдал сыграть,
А вы, пожалуй, рассуждайте!
Махнул пером — отдал в печать,
А вы читайте!»

Суждения Грибоедова об актерах петербургской труппы, рассыпанные в его письмах, свидетельствуют о его глубоком понимании сценического искусства и особенностей дарования каждого из известных актеров и актрис. Наиболее интересное его высказывание относится к А. Колосовой, будущей Каратыгиной, о которой он пишет П. Катенину:

«Сказать ли тебе два слова о Колосовой? В трагедии обезьяна старшей своей соперницы, которой средства ей однако не дали, в комедии могла бы быть превосходна, она и теперь, разумеется, лучше Вальберховой и тому подобных... только кривляет свое лицо непомерно, передразнивает кого-то..., собственную природу выпустила из виду и редко на нее попадает, и как однообразна! Шаховской не признает в ней ни искры таланта; я не согласен с ним, конечно, она еще не дошла и в половину до той степени совершенства, до которой могла бы достигнуть». В письме к Бегичеву Грибоедов писал о ней же: «Природа свое взяла, пальма в комедии принадлежит ей неотъемлемо».

Грибоедов отлично знал, что Колосова была любимой ученицей Катенина, одно время выдвигавшего ее на амплуа Екатерины Семеново^{*)}. И все же он решительно отвергает эти претензии, отводя ей место только в комедии и при условии верно понимать природу своего дарования и никого не копировать. В этом отношении Грибоедов полностью сошелся в мнении с Пушкиным. Пушкин также в своих «Замечаниях» отверг притязания Колосовой на «трон» Семеново^{*)}, которая «не имеет соперниц». Грибоедов также преклонялся перед гением этой актрисы.

В том же письме к Катенину, упоминая о том, что «вчера храпел я у немцев при шуме, треске и грохоте диких ямб Грильпарцера», Грибоедов пишет: «Актриса м-ль Ордерлонь не без дарований, но подрядилась каждому стиху давать отдельное выражение, и утомляет, при этом не имеет пламенной души, как наша Семеново^{*)}. В этом «наша» слышится большая и глубокая гордость родным, русским искусством. Семеново^{*)}, как известно, была не только выше любой из тогдашних немецких актрис, но вышла с честью из состязаний даже с такой трагической актрисой, как Жорж.

Грибоедов был очень взволнован встречей с Каратыгиным и писал Бегичеву: «...Но гениальная душа, дарование чудное, теперь еще грубое, само себе безотчетное, дай Бог ему напитаться великими образцами,

А. С. Грибоедов. Рисунок П. КАРАТЫГИНА.

— это Каратыгин. Это было написано в 1824 году, через несколько лет после первых дебютов Каратыгина на петербургской сцене, когда омолодом трагике, наследнике Яковлева, велись горячие споры в журналах. Грибоедов часто встречался с ним и однажды читал ему отрывки из «Ромео и Юлии» Шекспира. Впоследствии В. Каратыгин играл Чацкого не вполне удачно, впрочем, как и Мочалов.

С братом трагика, характерным актером П. Каратыгиным, связана, как известно, единственная попытка при жизни автора разыграть «Горе от ума» хотя бы силами учеников петербургской театральной школы, быстро пресеченная «бдительным» начальством. Грибоедов часто навещавший школьные спектакли, сам ставил с учениками свою комедию и был очень огорчен запрещением спектакля, на репетиции которого он приводил с собою А. Бестужева и В. Кюхельбекера.

Близок Грибоедову был и выдающийся актер петербургской сцены — И. Сосницкий. Грибоедов не ошибся в нем, когда именно ему поручил роль Ариста в своих «Молодых супругах» в 1815 г. Когда «Горе от ума» стало исполняться на сцене, Сосницкий блестяще играл Репетилова. Грибоедов был в восторге от исполнения им роли Вольтера в пьесе А. А. Шаховского «Ты и Вы, Вольтерово послание, или 60 лет антракта» и писал П. Вяземскому в июле 1824 года: «Эти строчки доставит вам Сосницкий. Примите его в число тех, кого любите. Коли сами в городе, согласите его сыграть Вольтера, роль, в которой он необыкновенно хорош (во втором акте). Вся портретная истина сохранена в точности. Это одушевленная бронза того бюста, что в Эрмитаже. Я бы желал не столько остроты (которой, впрочем, эта комедия не изобилует), но чтобы картина неизбежной дряхлости и потухшего гения местами прояснялась памятью о протекшей жизни, громкой, деятельной, разнообразной... Как бы то ни было, Сосницкий чрезвычайно хорош и добавляет автора».

Об отношении Грибоедова к корифею московской сцены и реформатору русского театра М. Щепкину сохранилось мало материалов, но можно считать достоверным, что автор проходил с ним роль Фамусова во время пребывания своего в Москве в 1823—1824 годах. В это время Грибоедов был особенно близок к московскому театру и собирался писать для открытого здания Большого театра двухактный пролог в стихах «Юность Вещего». По рассказам Щепкина, записанным его сыном и опубликованным в «Историческом Вестнике» (1898, № 10), в бытность свою в Москве Грибоедов читал с ним роль Фамусова и передал ему свои объяснения относительно этой роли, как бы он желал, чтобы она была играна, когда будет разрешено давать «Горе от ума». Сам Щепкин в беседе с биографом и племянником Грибоедова Д. Смирновым говорил: «...с Грибоедовым я вовсе не был близко знаком...» Но все же можно предполагать, что они часто встречались в Москве, хотя действительно той «близости», которая была у Щепкина с Пушкиным и, особенно, с Гоголем, с Грибоедовым быть у него не могло.

Молодость Грибоедова прошла в Москве до поступления Щепкина на московскую сцену. Как известно, после 1816 года он наезжал в Москву изредка и с 1825 года до самой своей смерти пробыл почти все время на Кавказе и на Востоке. Расцвет же щепкинского творчества относится к тридцатым годам. И все же ролью Фамусова Щепкин навсегда связал свое имя с именем Грибоедова. И не случайно Щепкин на обеде 10 мая 1853 года, при провозах его за границу, говоря о «двух великих комических писателях», которым он «обязан более всех», назвал их имена: «Это Александр Сергеевич Грибоедов и Николай Васильевич Гоголь».

Таковы были отношения Грибоедова к людям театра. Его оценки искусства актеров были необычайно точными и меткими. Он угадал подлинное призвание Колосовой, искусство Каратыгина, «пламенное» вдохновение Семеново^{*)}, способствовал росту дарования Сосницкого, увидел в Щепкине будущего замечательного создателя образа Фамусова. Творя свой комедийный шедевр, Грибоедов заранее видел его на сцене, давая актерам все средства для реалистического воплощения характеров своей комедии.

М. Вальберхова — исполнительница ролей в комедиях Грибоедова на петербургской сцене (30-е годы XIX в.).

*) Н. С. Семеново^{*)}.